

Совета Министров». По предложению председательствующего Н. А. Хомякова Дума постановила применить к Родичеву высшую меру взыскания – удаление на 15 заседаний.

Это внешняя канва. Но была ещё одна «мелочь». Сразу же после оскорбительного выпада Столыпин послал навстречу сходящему с трибуны Родичеву секундантов, но позже принял извинения, хотя руки не подал. 45-летний отец шестерых детей, одним из предков которого был Суворов, а среди родственников – Лермонтов, премьер-министр, наконец, в нашем представлении имевший тысячи способов раздавить неугодного депутата, не колеблясь, поставил под удар свою жизнь во имя чести. «Я не хочу остаться в памяти у своих детей с кличкой вешателя», – сказал он. Но лживая кличка вошла во все учебники, по которым мы учимся и по сей день. Успех преобразований во благо России был возможен лишь при условии спокойной работы всего народа. Но Столыпин видел, что это было невозможно в условиях террора. Безответственность печати, социальная демагогия иных думских деятелей только подбрасывала дров в разгоравшийся костёр. Террор принимал дикие, невиданные формы.

«Противники государственности, – говорил Столыпин, – хотят освободиться от исторического прошлого России. Нам предлагают среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины – чтобы на этих развалинах строить неведомое нам отечество. Им нужны великие потрясения, нам нужна – великая Россия!» И ещё: «Где с бомбами врываются в поезда, под флагом социальной революции грабят мирных жителей, там правительство обязано поддерживать порядок, не обращая внимания на крики о реакции», ибо «для государственного человека нет большего греха, чем малодушие».

Наведённые по инициативе Столыпина военно-полевые суды просуществовали восемь месяцев. По их решению было казнено 683 явных преступника, чья вина в убийствах, порой массовых и многократных, была абсолютно доказана и кто понёс бы такое же наказание в любой другой стране. Это возымело действие – напряжённость спала.

Между тем самого Столыпина террористы не щадили. Самым страшным из покушений был взрыв дачи на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Взрыв унёс жизни 27 человек, в том числе посетительницы с младенцем и швейцара, «озарив» последующие народоубийства «во имя светлого будущего всего человечества». 32 человека были тяжело ранены, среди них дочь и единственный сын – трёхлетний Аркадий. Сам премьер по чистой случайности остался тогда невредимым.

Тогда нашлось много «доброжелателей», которые прямо или косвенно давали понять, что ему самое время уйти в отставку. Реакция Столыпина была характерна: «Где аргумент – бомба, там естественный ответ – беспощадность кары. К нашему горю и сраму, лишь казнь немногих предотвратит моря крови».

И покушения, и попытки покушений на Столыпина участились. Об этих месяцах сам он говорил близким: «Каждое утро творю молитву и смотрю на предстоящий день как на последний в жизни... Я понимаю: смерть как расплата за убеждения...» А публичная речь была, как всегда, чеканно-здоровой: «Мы будущими поколениями будем привлечены к ответу. Мы ответим за то, что пали духом, впали в бездействие, в какую-то старческую беспомощность, утратили веру в русский народ».

Об одном молил он Бога: нужно только двадцать лет внутреннего и внешнего покоя, и Россия станет необратимо неузнаваемой – великой и могучей страной. Двадцать лет, начиная с 1906-го... Он собирался составить программу действий правительства на случай своей смерти – всё не было времени. Наконец, в марте 1911 года Столыпин диктует свою «вторую программу», построенную по отраслям государственного уп-

равления. Например, брать иностранные займы только в первое время и только для исследования недр и строительства шоссейных и железных дорог – так, чтобы к 1927–1932 годам их сеть в Европейской России с её высокой в мире рождаемостью не уступала бы сети Западной Европы. Заработная плата всех чиновников, полиции, учителей, священников, железнодорожных и почтовых служащих увеличивалась – это сразу подняло бы образовательный уровень приходящих в эти сферы людей. Бесплатное начальное образование уже широко пошло в 1908 году и должно было осуществиться как всеобщее к 1922-му. И многое другое предусматривала эта программа, проект которой исчез из письменного стола Петра Аркадьевича в ковенском имении вскоре после его убийства.

Смелость и принципиальность Столыпина вызывали восторг и ненависть. С ним воевали и правые, и левые – во всяком случае, те из них, кто не мог и не хотел из-за партийного фанатизма понять, что выше интересов фракций стоят интересы народа. Столыпин всегда помнил, что никакое экономическое планирование, оторванное от сферы духовной, в России невозможно. Сознывая все преимущества и уязвимость уникального государственного устройства России, устройства, изначально основанного на нравственных категориях, а также понимая, что этот духовный хребет русской государственности является объектом сколь яростных, столь и несправедливых нападков, Столыпин выразил своё отношение к Русской православной церкви так: «Многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу законов о свободе совести начала государства христианского, в котором православная церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества православной церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу её начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевляется именем православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли, вместе с тем права и преимущества православной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и нравочуждений...»

В 1910 году Столыпин совершает полёт на аэроплане, пилотом которого был известный эсер Мациевич, ненавидевший премьер-министра и вполне способный пожертвовать собой «ради светлого будущего». Столыпин был невозмутим. Несколько раз террористы не решались выстрелить в него, безоружного, поражённые его обаянием, праведностью его облика.

Но подонок отыскался. 1 сентября 1911 года во время пребывания в Киеве императорской фамилии Столыпина настигла пуля убийцы Мордки Богрова. Столыпин скончался, не дожив до пятидесяти лет.

«А ведь он – мог!» – с запоздалым изумлением шептали про себя не уберёгшие его. «А ведь он мог...» – буркнул про себя, оторвавшись от фантастических своих писаний, историки-материалисты и, пугаясь этой мысли, станут ещё более рьяно вычищать летописи. Ныне нам покажется сказочным то время, когда «моральный авторитет России был очень велик и Европа смиренно выжидала, что скажут на берегах Невы...», когда индустриальная мощь империи возрастала и Россия могла поставлять на мировой рынок почти всё – от броненосцев до детских сосок, по степени концентрации производства занимая первое место в мире.

...Начался XXI век, но не исчезают вопросы. Перепробованы, кажется, все фальшивые ответы. Что же мы хотим – стать колонией, сырьевым придатком или страной независимой и сильной? Возможно ли последнее? Память о Петре Аркадьевиче Столыпине говорит: «Да!»

